

Действительно, как и предсказывала Шэнь Яогуан, после полудня из Утунъюань прислали служанку передать распоряжение: вечером в поместье устраивают банкет по случаю возвращения старшей барышни, и присутствовать на нём должны все.

Цуйцуй проводила взглядом уходящую женщину, вернулась в комнату и, подойдя к Шэнь Яогуан, прошептала:

— Вы оказались правы, барышня.

Шэнь Яогуан, полулежавшая на кушетке с книгой в руках, кивнула, услышав голос служанки:

— Угу. Начинай приготовления. — Она взглянула на книгу, словно чего-то не хватало. Наклонив голову и моргнув, она посмотрела на Цуйцуй: — Принеси-ка мне семечек. Чтение без этого лакомства — совсем не то удовольствие.

Цуйцуй отозвалась и, достав из низкого шкафчика шкатулку, насыпала полную тарелку семечек на столик у кушетки. Затем с улыбкой добавила:

— Барышня, семечки почти закончились, вам стоит поберечь их.

— А-а-а! — Шэнь Яогуан закрыла лицо книгой, чувствуя, как жизнь теряет краски. Эти семечки были не обычными, а привезёнными из Ханчжоу её старшими братьями-учениками, которые постоянно путешествовали с караванами. Их было совсем немного, поэтому она ела их по чуть-чуть, как величайшую драгоценность.

Она и сама не знала, что в этой эпохе есть такие семечки, пока три года назад не услышала, как в провинции Чжэцзян поднесли императорскому двору несколько десятков «солнечных цветов» высотой в чжан с огромными жёлтыми корзинками. Это её заинтриговало, и она попросила привезти семена, чтобы после тайком обжаривать их и время от времени баловать себя.

Глядя на тарелку, она вдруг прыснула со смеху, заставив Цуйцуй, занятую рукоделием, удивлённо обернуться.

Шэнь Яогуан хохотала, с мечтательным выражением лица рассуждая:

— Как думаешь, если бы моя старшая сестра грызла семечки, как бы она выглядела?

Цуйцуй, глядя на свою госпожу, которая сейчас совершенно не заботилась о приличиях, вздохнула:

— Старшая барышня — словно небожительница, она точно не будет выглядеть так, как вы сейчас.

В этот момент с подносом в руках вошла нянюшка Чжань. Увидев весёлую Шэнь Яогуан, она с любопытством спросила:

— О чём это вы? Почему барышня так довольна? — Она поставила миску перед Шэнь Яогуан и с надеждой добавила: — Попробуйте, приготовила по вашему рецепту. Ну как?

Шэнь Яогуан попробовала, её глаза засияли, она закивала и подняла большой палец вверх.

— Нянюшка, вы никогда не разочаровываете. С вашим мастерством мы точно не пропадём.

Нянюшка Чжань, только обрадовавшаяся похвале, нахмурилась:

— Барышня, опять вы говорите о всяких «пропасть» да «смертях»...

— Хи-хи... — Шэнь Яогуан виновато улыбнулась и залпом допила чай с молоком, совершенно не соблюдая правил поведения благородных девиц. Нянюшка лишь покачала головой, не зная, сердиться или смеяться.

Шэнь Яогуан посмотрела на пустую чашку, глаза её блеснули, и она скомандовала:

— Цуйцуй, насыпь мне семечек, возьми этот чай, мы идём к старшей сестре.

— Барышня, а не слишком ли это опрометчиво? — Цуйцуй, неся корзинку с угощениями, шла следом и с тревогой выражала свои сомнения.

Шэнь Яогуан обернулась:

— Цуйцуй, ты слишком много думаешь. — Она продолжила путь, бросив через плечо: — Мы ведь сёстры, не виделись больше десяти лет, младшая должна проявить инициативу и навестить старшую.

Цуйцуй послушно кивнула, проникаясь её доводами:

— Вы правы, барышня.

Когда они добрались до Цинъюань, путь им преградила Мо Ин. Она стояла у входа, невозмутимая и прямая, как струна, и холодно произнесла:

— Барышня отдыхает, беспокоить её нельзя. Третья барышня, возвращайтесь.

Поняв, что пройти внутрь не удастся, Шэнь Яогуан сказала:

— Тогда, может, я оставлю корзинку? Передай её, пожалуйста, старшей сестре, это знак моего внимания.

Мо Ин осталась непреклонна:

— Барышня никогда не ест чужую пищу. Прошу, заберите.

— Почему же чужую? Я её родная сестра! Это забота от младшей сестры! — Шэнь Яогуан вошла во вкус и решила во что бы то ни стало заставить её принять подарок.

Мо Ин молчала, лишь пристально глядя на неё. Шэнь Яогуан наклонила голову, оглядывая её своими миндалевидными глазами:

— Как тебя зовут?

— Мо Ин, — ответила та.

— О, Мо Ин... Красивое имя. — Шэнь Яогуан подалась вперёд, подняла голову и, захлопав невинными глазами, прошептала: — Это от строки «аромат чернил скрыто струится, тонкие тени косо лежат»?

Мо Ин от неожиданной близости отступила на шаг, на её бесстрастном лице проступил лёгкий румянец, и она замялась:

— Мы... мы... барышня... не принимает гостей. Третья... третья барышня, уходите.

Шэнь Яогуан сделала разочарованное лицо, подняла на Мо Ин влажные глаза и прошептала мягким, вкрадчивым голосом:

— Неужели совсем никак?

Мо Ин, краснея до самых ушей, отступила ещё на шаг и твёрдо отрезала:

— Не... нельзя...

Шэнь Яогуан покорно опустила голову:

— Ну... хорошо...

И в тот миг, когда Мо Ин уже готова была уступить, Шэнь Яогуан внезапно схватила её за руку и, пока та пребывала в замешательстве, вложила ей в руки корзинку.

— Передай, пожалуйста, сестрице Мо Ин, спасибо! Я пошла!

Шэнь Яогуан быстро проговорила это, подмигнула Цуйцуй и зашагала прочь. Отойдя на приличное расстояние, она обернулась и помахала остолебневшей Мо Ин:

— Сестрица Мо Ин, до встречи!

Мо Ин пришла в себя, лишь когда их фигуры скрылись из виду. Она посмотрела на корзинку в руках, потеряла переносицу и, представив предстоящее наказание, обречённо вздохнула. Она повернулась и направилась к кабинету.

Стоявшие у дверей Ханьсин и Шуанхуа удивлённо округлили глаза, увидев её с корзинкой. Шуанхуа тихо спросила:

— Это что?

Мо Ин не ответила, лишь склонилась в поклоне:

— Госпожа, только что приходила третья барышня, принесла угощение, сказала — в знак заботы.

Ханьсин и Шуанхуа застыли в шоке. Это ли та самая Мо Ин, которую они знали? Госпожа поставила её охранять вход именно потому, что знала — та не пропустит никого и ничего. И вот, не прошло и дня, как она сама приносит корзинку!

В кабинете Шэнь Яоюй писала картину. Услышав слова Мо Ин, она слегка улыбнулась, и её голос, подобный журчанию ручья, тихо произнёс:

— Забота... — Она не прекращала рисовать и негромко добавила: — Входи.

Мо Ин осторожно вошла и, подойдя к Шэнь Яоюй, склонилась в глубоком поклоне:

— Госпожа.

Шэнь Яоюй бросила на неё холодный взгляд своих тёмных, как тушь, глаз:

— Мо Ин, мне любопытно: что заставило тебя нарушить правила?

Мо Ин тут же опустилась на колени, склонив голову:

— Это моя оплошность, прошу госпожу наказать меня.

Шэнь Яоюй отложила кисть и посмотрела на коленопреклонённую служанку. Вдруг она тихо рассмеялась:

— Мо Ин, твоё сердце стало мягким...

Холод в её голосе сменился ледяным звоном, пронзающим, словно игла:

— Мо Ин, отправляйся в Башню Безмятежности на десять дней.

Мо Ин распростёрлась ниц:

— Слушаюсь. — Она поднялась, попятилась и вышла из кабинета.

— Выброси эту корзину. Если подобное повторится — уходи.

Услышав это, Мо Ин вздрогнула. В её сердце поселился ужас: без госпожи она не выживет. Она с трудом подошла, взяла корзинку и, словно потерянная, побрела прочь из кабинета.

<http://bllate.org/book/21409/2184848>